

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ОБИТЕЛИ АФОНА

Часть 2

АФОНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Папа Григорий XV (1621–1623) прислал на Афон, якобы помощников монахам в образовании, иезуитов Антония Василопула и Канакия Россиса. Они организовали целую школу в Карее, которую посещали двадцать монахов. Только по требованиям Константинопольского патриарха школа была удалена с Афона. Но из Греции католические учителя не ушли, они открыли школу с еще большим количеством учеников в Фессалониках. Может быть, именно эти иезуиты натолкнули на мысль о создании собственных православных монашеских учебных заведений.

Иеромонах Мелетий организовал при Ватопедской обители духовную школу, которая должна была стать «оплотом греческих знаний, воспитания и всяческого научения в области как философских, так и богословских наук». Школа эта вошла в историю Афона как академия «Афониада». Вначале в ней было двадцать иноков, а к 1756 году сто, а еще через два года двести. Патриарх Кирилл V утвердил ее устав. Именно в ее стенах было создано много душеполезных сочинений. Отсюда разносились по свету, спасая души людей, книги о христианском учении, издавались труды великих святителей Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, оставались сборники изречений святых отцов. Руководитель академии ученый грек-монах Евгений Булгарис в конце жизни принял русское подданство и умер в сане епископа Херсонского¹.

Павел Свинын (1819 г.): «Вне ограды построено принадлежащее к Ватопеду огромное училище. Оно воздвигнуто по убеждению патриарха греческими князьями, находившимися в Константинополе в то время, как подвизались на поприще учености преосвященные *Феотокий* и *Евгений*. Под эгидой сих мудрых мужей училище было в величайшей славе, и они успели передать правила свои и гений многим великим святителям. Известный преосвященный экзарх Гавриил, митрополит Кишиневский и Хотинский, был учеником Евгения; а славный в российской церковной истории *Максим Грек* вызван был из сего монастыря. Неизвестно, почему достохвальное заведение сие ныне в упадке»².

Из записок Д. В. Дашкова (1820 г.)

У входа в пристань Ватопедскую стоит обрушающееся ныне здание, древняя школа, где был учителем красноречивый архиепископ Евгений Булгарис, недавно умер-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Крупин Владимир. Святой Афон... сердце Православия. М., 2015. С. 92–93.

² Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 2. СПб., 1819. С. 72–73.

ший в России. Вообще иноки сей обители славились ученостью: и в наше время святогорцы говорили с почтением о тамошнем *Даскале*, знаменитом богослове. В разговоре со мной сей важный, маститый старец с жаром защищал истину любезного всем грекам пророчества Агафангелова³ и, подкрепляя оное доводами из Апокалипсиса, предсказывал скорое избавление Православной Церкви от ига. Он надеялся не на людей, а на предвечные судьбы Промысла, коих исполнения ни ускорить, ни замедлить не можно: *fatavolentemducunt, nolentemtrahunt*. С ним был молодой монах, совершенно противоположного нрава, живший долго в Германии, страстный почитатель Шиллера и Гете, который твердил мне наизусть Бюргеру *Леонору* и радовался, слыша, что она прекрасно переведена по-русски⁴.

Из записок архимандрита Порфирия (Успенского) (1846 г.)

Недалеко от Ватопеда, в виду его, на холме высится жалкий остов бывшей Афонской академии, основанной в 1753 году богатыми греками, духовными и мирскими, и вверенной управлению известного в Греции и России *Евгения Булгариса*. Это училище построено было из тесаных камней, как монастырь четверосторонний и многоярусный, с обширным внутри его двором. Ныне же двор этот весь зарос колючим кустарником, а от самого строения остались только ветхие стены и догнивающие брусья. Недолго существовала Афонская академия и погибла. Но не погибла память и слава основателя ее Евгения. Мне известно житие его. Оно написано было блаженной памяти духовным чадом и другом моим Александром Скарлатовичем Стурдзой, а издано в Афинах в 1858 году. Передаю это житие в русском переводе с добавкой моих сведений о нем.

Евгений Булгарис родился на острове Керкире (Корфу) от благородных и сановных родителей в 1716 году, как раз в тот день, в который прекратилась осада Керкиры, и праздновалась память св. Елевферия (Освободителя), и потому получил его имя, которое переменил тогда, когда омонашился. В юности он учился грамоте на родине своей, а высшие науки слушал в итальянских университетах. Постригшись же в монашество, был учителем сперва в г. Иоаннине, потом в Козáne, затем в Константинополе. Здесь пламенная любовь к соотечественникам и родичам внушила ему мысль и твердое желание построить и учредить на Афоне образцовое училище, так как эта Святая Гора, как древнее вместилище созерцательной жизни, казалась ему местом самым удобным, для усовершения в науках, и для молитвенной близости к Богу: без чего немислимо возрождение эллинского народа среди подавляющего всех и все магометанства. Тогдaшний патриарх Константинопольский Кирилл и священный Синод его благоклонно выслушали оное желание отца Евгения, и обещали содействовать ему в исполнении его.

Ободренный обещанием их, молодой учитель энергически приступил к своему задуманному делу, и открыл на Афоне академию, в которую вскоре собралось мно-

³ Монах Иероним Агафангел (если верить греческому предисловию) написал в 1279 году виденное им в Мессине откровение, которое потом было напечатано в Милане, 1555. В нем предсказана судьба всей Европы, плен и освобождение Царя-града; оно утешало в рабстве греков и, вероятно, донныне ободряет их на трудном поприще. Рукопись, подаренная мне в Кипре, почерка старинного и содержит следующие слова, относимые к гибельному для Наполеона походу в Россию: «И се, он нарушит договоры, и насильственно возмет достойное чуждое. Но куда спешите, о, галлы? Новый (или юный) царь ведет вас на заклание, и вы, как малодушные жертвы, как волки, гладом томимые, на хладных горах лишитесь жизни». Время события еще точнее определено в главе V, где слагатель пророчества именует Петра I и его преемников, говорит о женах венценосных и потом восклицает: «*Четвертый Петр* начнет дела славные; но *пятый* распустит в Византии победоносное знамя Христова и сокрушит силу исмаелитян». Странно, что турки имеют свои древние предсказания о падении Оттоманской державы в Европе от России и даже по какому-то вычислению полагали бедственным для себя годом 1819-й (прим. Д. В. Дашкова).

⁴ Дашков Д. В. Афонская Гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году // Северные цветы, 1825, С. 155–157.

жество учеников всякого возраста и звания. Тут он преподавал им риторику, логику, метафизику и богословие, а сотрудник его... приснопамятный Неофит иеродиакон, родом пелопонесец, муж многоученный, занимал их эллинской филологией. Но, увы! Академия их процветала только пять лет, с 1753 года по 1758-й. Игумены афонских монастырей вооружились против Евгения, обвиняя его в неполноте послушания Святой Церкви. Против него же настроены были и некоторые ученики его. Ему даже грозили розгами. Тогда он, сильно и глубоко оскорбленный, покинул славное дело свое на земле благодарной. Так трудолюбивый земледелец, видя саранчу, налетающую на посев его, бежит, закрыв голову свою.

В 1758 году Евгений, пламенея любовью к наукам, отправился в западную Европу, и посетив знаменитый университет в Лейпциге, провел тут немалое время в ученых занятиях, слушал тамошних профессоров, сидя на одной скамье с молодыми студентами в монашеском и диаконском одеянии, и напечатал по-гречески творения Киррского Феодорита. За то и профессора названного университета уважали его. А жил он в Лейпциге при тамошней греческой церкви, устроенной греческими купцами, которые ежегодно собирались на знаменитую Лейпцигскую ярмарку.

В то время умнейшая императрица наша Екатерина II искала и готовила умных людей, которые содействовали бы ей в управлении государством. По избранию и повелению ее, тогда в Лейпциге учились Козодавлев, Зиновьев, Олсуфьев и другие. От них она узнала о строгой жизни Евгения и о счастливых дарованиях и учености его, и пригласила сего смиренного диакона в Петербург. Здесь рукоположили его в сан архиерейский и послали во вновь открытую епархию Херсонскую и Славянскую, так как насельники ее были греки, и славяне, вышедшие из Сербии. Но недолго Евгений управлял этой епархией, потому что непрестанно встречал множество затруднений по причине незнания языка русского и неведения правительственных узаконений, и поселился в Александро-Невской лавре Петербургской, осмидесятилетний, уважаемый высшим духовенством, и снабждаемый друзьями его — греками.

Тут умер верный послушник его Иаков. Тогда Евгения стали одолевать многие стеснения, весьма чувствительные в глубокой старости его. Но их облегчила и устранила мать Александра Стурдзы, урожденная княгиня Мурузи, которую я лично знал в Одессе в тридцатых годах нашего (XIX) века <...>

С нею и с отцом своим Александром Стурдза, будучи еще отроком, нередко хаживал к престарелому подвижнику, и в библиотеке его, занавешенной зелеными полотнищами, слышал его сладкие беседы. Тут Евгений принимал их с самой искренней простотой. Лицо его, некогда благообразное, а тогда украшенное сединами, еще сохранило большую свежесть. Говорил он, большей частью, о религии и политике; среди разговоров иногда вставал, подходил к какому-либо книжному шкафу и искал в нем надобной книги, редко ошибаясь в поисках своих. Кроме Стурдзина семейства посещали его и другие немногие, и между ними духовник его архимандрит Порфирий⁵, и поверенный в делах Ионийских островов при Российском Дворе Дмитрий Неранци, муж весьма способный и приятный в обращении с людьми, который был и душеприказчиком Евгения.

Этот Неранци императору Александру, возвратившемуся в Петербург после несчастливой битвы под Аустерлицем, сказал остроумное и прорицательное словцо. Когда Его Величество принимал у себя весь дипломатический корпус, и когда по очереди подошел к смиренному представителю Ионийских островов и сказал ему тихо: «любезный Неранци, в этот раз Мы были несчастливы», то он ответил ему: «Ваше Величество! После Нарвы грянула Полтава!» Александр вместо ответа пожал ему руку. Однажды Евгений неожиданно получил приглашение сего императора явиться к Его Величеству. В следующий день этот осмидесятилетний старец в придворной карете ездил к Александру и целый час беседовал с ним наедине, но о чем? Этого никому не пересказал, и с тайной своей сошел в могилу, в это преддверие того рая, в котором всякий язык человеческий безмолвствует, а все тайное открывается <...>

5 Не я. Тогда я был еще двухлетний младенец (прим. о. Порфирия).

Он, родившийся в Корфу в 1716 году, скончался в 1806-е лето Господне, исполненный дней и добрых дел, после малодневной немощи, в полном самосознании. Приготовление его к смерти, поистине, было такое, какому надлежало быть у христианина мудрого, у учителя веры и ведения, и избранного святителя Христова. Отпевал его один из епископов в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры вместе с братией ее при многочисленном стечении христоименитого народа. Духовник покойного А. Порфирий вышел было из алтаря, чтобы сказать надгробное слово, но залился слезами, и не мог говорить. Слезы его были красноречивее витийства.

После погребения иерарха в одной из лаврских церквей Неранци немедленно приступил к исполнению духовного завещания его; библиотеку передал в Александро-Невскую Академию, кроме трех исторических книг, завещанных Стурдзе. Сему же господину вручил и золотую табакерку, имевшую вид книжки и подаренную покойному председателем Академии Александром Строгоновым с надписью: «*Мудрецу один из любителей мудрости*». Уцелел портрет сего знаменитого архиерея, написанный масляными красками кисти Сандера, и хранится в семействе графов Булга-рисов: а печатанный *подобен* (копия) его распространен везде, где только читаются сочинения его. Когда Сандер принес к сему благочестивому старцу портрет его, старец задумчиво посмотрел на живописный лик свой, взял перо и под ним написал изречение Псалмопевца: «*Подлинно, во образе ходит человек, т. е. является и исчезает*. Это изречение видно и на печатных портретах Евгения. Сей ученый муж оставил после себя много сочинений и переводов⁶.

<...> Таков был основатель Афонской Академии, уже давно несуществующей. Мне говорили, что монахи подожгли ее намеренно, думая, что ученость не нужна *для того света*. А ведь, и в самом деле *на том свете* ничем не наградят за нее. Хорошо, если кто при учености имеет святую веру и добрые дела; он услышит глас глаголющий: *вниди в радость Господа своего*: А не то, пойдет вслед за теми, которым будет сказано: *идите от мене проклятии во огонь вечный*⁷.

Из записок А. Н. Муравьева (1849 г.)

Вправо на вершине горы представилась, в виде замка, ограда бывшего училища Эллинского, недолго процветавшего здесь под руководством знаменитого архиепископа Евгения Булгара, который искал себе приюта в России. Теперь это печальная развалина, но зубчатая стена и водопровод, к ней идущий с гор, (при)дают ей издала готический вид⁸ <...>

Библиотека, принадлежавшая училищу Ватопедскому, которая некогда здесь процветала, находится теперь на Принцевых островах. Самое училище, основанное в 1754 году, славилось знаменитыми наставниками, каковы были Евгений Булгар, Никифор Феотоки, Григорий Кидонийский и Афанасий Парийский; они получили тут начальное образование, под сенью мудрого Евгения, который, однако, принужден был оставить училище, по неудовольствиям с Кириллом, бывшим патриархом Царьградским, который поселился в зданиях училища; скромный Евгений удалился в Россию, написав ему красноречивое послание. С тех пор начало упадать сие общественное заведение Афона и вместе Царьграда, где воспитывалось до восьмидесяти учеников: около 1810 года оно было совершенно упразднено, потому что своеволие учащихся и их богатых родственников начинало нарушать строгие уставы афонские.

Я посетил печальные его развалины на вершине горы над Ватопедом, и проходил все обвалившиеся келлии, где еще старцы, со мной бывшие, помнили, как они кипели жизнью. Мне указали начатую церковь над вратами, трапезу и келлии Евгений Булгара и патриарха Кирилла; еще тянется к разбитым воротам полуобрушенный водопровод, как будто все это разрушено делом многих веков, когда тут едва можно насчитать несколько десятилетий. Так все скоро приходит в запустение, как

⁶ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Отд. 2. 1846 г. М., 1880. С. 61—67.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 189.

только рука человеческая оставляет свои создания на произвол дикой природы. От времени до времени только оживает сия пустыня, когда братия обители, на память минувшего, поднимается крестным ходом к развалинам с иконой Богоматери, освящая путь свой литиями на источниках, бьющих из недра горы, и торжественным молебном на вершине горы⁹.

Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1859 г.)

Мы посетили печальный остов бывшего *Ватопедского училища*, на расстоянии двух верст от монастыря, привлекательный своим местоположением и памятью учредителя его *Евгения Булгари*, известного России и Греции. Училище имело вид монастыря с четырёхугольным жилых стен и обширным двором посередине. Теперь от всего здания остались камни и догнивающие брусья. Все заросло колючим кустарником, заглохло и одичало. В таком ли виде представлялась будущность училища великому ревнителю и первоподвижнику воспросвещения греческого народа, которым греки считают долгом патриотизма хвалиться при всяком случае?

Вполне достойной замечания можно счесть участь афонских училищ. Они не раз были заводимы то той, то другой обителью, то всеми вместе, как нынешнее Карейское, и никогда не шли успешно. Чему приписать это? Тайному ли недоброжелательству к ним старцев, боящихся выхода из них ученых и потом строптивых послушников? Опасению ли святогорцев видеть среди своих обителей заведение, более или менее не подходящее под общее правило монашеского жития? Затруднению ли найти молодых людей достаточно любознательных, и, нашедши таковых, подчинить их школьному порядку? Или, наконец, недостаток средств для содержания училища?

На все эти предположения легко ответить отрицательно. По-видимому, причина неуспеха кроется в самом способе обучения, который весьма выразительно можно обозначить именем *Эллинского*, весьма мало приспособленного вообще в Греции к истинным потребностям обучающихся. Во главе образования греческого стоит теперь повсюду изучение древних греческих писателей, разрешающееся нередко одним пустым педанством и односторонностью. Нужно ли святогорскому подвижнику разбирать Омира и Пиндара и ораторствовать по Демосфену? Сообразно ли это с его положением, и ведет ли к его назначению? Вот вопросы, по-видимому, укрывающиеся от взора учредителей афонских училищ, педантски образованных и, в свою очередь, педантски образующих. Между тем, где, как не на Св. Горе можно указать наиболее пригодное место для преподавания богословия во всех его видах и отраслях, — церковного проповедания, церковного законодательства, церковной истории — в частности же византийской эпохи, — истории христианского подвижничества, истории христианских искусств: графики, живописи, архитектуры, музыки? Будь заведено на Афоне училище в этом духе и составе, можно ручаться, что оно стояло бы долго¹⁰.

Из записок Арсения (Стадницкого) (1883 г.)

С вершины горного хребта уже виден Ватопед, живописно расположенный при море. Не вдали от Ватопеда, на расстоянии двух верст от монастыря, на возвышенном холме печально красуются какие-то полуразвалившиеся стены. Это — печальный остов бывшего Ватопедского училища, основанного богатыми греками для умственного возбуждения своих соотечичей и противодействия всепожирающему магометанству и сохранения Православия от «наскакивающего» католичества. Это училище вверено было замечательному в России и Греции человеку *Евгению Булгари*. Знаменитый муж думал сделать это училище центральным богословским училищем, высшей греческой академией. И что же?

К сожалению, это училище просуществовало всего только 5 лет с 1753 по 1758. Причиной этого были невежественные монахи, обвинившее Евгения и его школу

⁹ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 204—205.

¹⁰ Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 104—106.

в неисполнении церковных постановлений. Так погибло святое дело! Теперь от всего здания остались полуразваливающиеся стены и догнивающие брусья. Все заросло колючим кустарником, заглохло и одичало. В таком ли виде представлялась будущность училища великому ревнителю просвещения греческого народа?.. По поводу этого невольно возникает вопрос: есть ли почва для училищ на Афоне? Мирится ли монашеский аскетизм с наукой? Желательно ли устройство училищ на Афоне? и много других вопросов возникает, на которые мы теперь не отвечаем, предоставляя себе право сказать об этом в другой раз...¹¹

А. Ф. Брандт (1892 г.): «Близ Ватопеда стоит в развалинах **Афонская Академия** — многоэтажный карре, двор которого зарос колючими кустарниками. Она была основана в 1753 г. иждивением богатых греков, духовных и мирских, и находилась в заведовании выдающегося ученого богослова Евгения Булгариса, основателя Академии. Собранным вскоре многочисленным слушателям Булгарис, вместе с ученым сотрудником, преподавал богословские науки. Однако, нарекания и инсинуации в недостаточности ортодоксальном духе преподавания со стороны игуменов афонских монастырей не замедлили проявиться. Неудовольствие отразилось и на настроении некоторых из учеников Академии. Почтенному учителю угрожали даже побоями. Глубоко оскорбленный всеми интригами и гонениями, Булгарис уже через пять лет должен был бросить дело, в осуществление которого вложил всю свою душу. Ученый грек окончил дни свои в глубокой старости в России»¹².

Из записок Арсения (Стадницкого), епископа Волоколамского (1900 г.)

Не доезжая монастыря, виднеются развалины огромного здания и водопровода. Эти развалины — остатки бывшего Ватопедского училища, основанного богатыми греками для умственного возбуждения своих соотечей и противодействия всепожирающему магомонахству и сохранения Православия от «наскакивающего» католичества. Это училище вверено было замечательному в России и Греции человеку Евгению Булгарису. Знаменитый муж думал сделать это училище центральным богословским училищем, высшей греческой академией. И что же? К сожалению, это училище просуществовало всего только 5 лет, с 1753 по 1758 гг. Причиной этого были невежественные монахи, обвинившие Евгения и его школу в неисполнении церковных постановлений. Так погибло святое дело! Теперь от всего здания остались полуразваливающиеся стены и догнивающие брусья. Все заросло колючим кустарником, заглохло и одичало¹³.

ГРИГОРИАТ

Григориева обитель возникла на прибрежных скалах Афонского полуострова в XIV веке тщанием двух иноков-тезок с именем Григорий; один был греком из Синайского монастыря, другой сирийцем. В средневековье на Григориат часто нападали пираты, в особенности турецкие. Восстановительным работам после набегов, а также после частых пожаров содействовали молдавские господа, а также русские цари. Так, «в 1629 году с иеромонахом сего монастыря Даниилом посланы были: игумену 1 золотой, 16 иеромонахам по полу червонцу, 6 диаконам по полузолотому да 68 монахам по четверти золотого... — пишет епископ Порфирий (Успенский). — В 1630 году, 3 января, представлялся государю Григориатский архимандрит Парфений, но с чем был отпущен, неизвестно»¹⁴.

¹¹ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник паломника на Афон. М., 2014. С. 204—205.

¹² Брандт А. Ф. На Афоне. Из путевых заметок. СПб., 1892. С. 223.

¹³ В стране священных воспоминаний. (Под редакцией Арсения (Стадницкого), епископа Волоколамского). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 120.

¹⁴ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 899.

Указом Синода в 1742 году была введена единообразная дача милостыни афонским монастырям. Московская синодальная контора обязывалась выдавать Григориату по 35 р. в год. Однако в XVIII веке из-за русско-турецких войн эти суммы поступали нерегулярно, но в XIX веке деньги монастырям выплачивались аккуратно, в том числе за прошедшие годы. Так, в 1837—1839 годах Григориату за 5 лет было выплачено 600 р.¹⁵ Щедрое пожертвования собрал в России архимандрит Григориата Никита, о чем пишет епископ Порфирий (Успенский): «В 1805 и 1806 годах архимандрит Никита собирал подаяния особенно во флоте и в армии. Пожертвовали: род графа Моценега (sic) 200 руб., фрегат *Крепкий* 10 руб., фрегат *Назарет* 18 руб., корабль *Селафеил* 10 руб., адмирал Синявин (sic) 7 руб. Были подаяния от солдатских артелей, капральств и рот пехотных и артиллерийских, и от полков Витебского, Сибирского, 13-го Егерского, Кольванского, Козловского и Курянского мушкетерского». В конце сборной книги приписано: «1806 г., мая 10. Прислано чрез иеродиакона Герасима 1600 пиастров. Вторительно сам пришел в 1809 году, марта 25, и принес с собою денег 250 червонцев»¹⁶.

В конце XIX века деятельный настоятель Симеон возвел новые братские корпуса. Собор, освященный во имя Св. Николая Мирликийского, относится к 1740-м годам и следует образцам других афонских кафоликонов. Особо ценным является его деревянный резной иконостас с богатым декором и с иконами ветхозаветных пророков. Среди святынь — чтимые иконы св. Николая Чудотворца и Богородичные образы «Млекопитательница» и «Всещарица»¹⁷.

Обитель Григориатского монастыря: Св. Николая Чудотворца. Настоятель иеромонах Николай (на 1913 г.)¹⁸.

ДИОНИСИАТ

Монастырь стоит на крутой скале, на высоте 80 метров над морем. Его возникновение приходится на вторую половину XIV века и связано с именем преподобного Дионисия, выходца из Македонии. Существенную помощь в строительстве обители оказал трапезундский император Алексей III Комнин, поэтому Дионисиеву обитель первоначально называли монастырем Великого Комнина. Высокая монастырская башня была возведена в 1520 году на пожертвования молдововлахского господаря Неанко Бессараба; на средства господарей возведены и другие строения ансамбля.

Большой вклад в процветание обители вносила Россия, о чем пишет епископ Порфирий (Успенский): «В 1584 году Мешенин дал игумену сей обители Лаврентию и 150 братьям 250 рублей да 25 старцам в скитах 5 рублей. В 1628 году Дионисиатский архимандрит Иеремия, в бытность свою в Москве, успел выхлопотать милостынную грамоту царя Михаила Феодоровича, которою повелено было дионисиатским монахам приезжать в Москву за сбором милостыни на монастырское строение в пятый или шестой год. Эту грамоту я видел и читал в Дионисиевом монастыре. Она весьма ветха и изорвана в том месте, где прописан был год¹⁹. В ней привешена печать из красно-ярого воска.

В 1635 году Дионисиатский архимандрит Лаврентий приехал в Москву просить жалованной царской грамоты для приезда в Россию через каждые три года вместо указанных в прежней грамоте шести лет. Но ему выданы были тафта, сорок соболей в 16 рублей и деньгами 12 рублей, а в перемене срока грамоты отказано.

¹⁵ Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

¹⁶ Там же. С. 899.

¹⁷ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 158—159.

¹⁸ Павловский А. А. Путеводитель по св. горе Афонской. СПб., 1913. С. 64.

¹⁹ Это был 1628 год. Он указан в акте нашего Св. Синода 1763 года (прим. о. Порфирия).

Указом Синода в 1742 г. была введена единообразная дача милостыни афонским монастырям. В 1763 году Дионисиатский архимандрит Парфений, в бытность свою в Москве, получил от Святейшего Синода письменное свидетельство, в котором сказано, что Дионисиеву Предтечеву монастырю, по палестинскому штату императрицы Анны Иоанновны, назначено производить жалованья 35 рублей ежегодно и что за этими деньгами монастырь должен присылать своего доверенного старца в Москву или в Петербург через пять лет в шестой год²⁰. Однако в XVIII в. из-за русско-турецких войн эти суммы поступали нерегулярно, в XIX в. деньги монастырям выплачивались аккуратно, в т. ч. за прошедшие годы. Так, в 1837—1839 гг. Дионисиату за 5 лет было выплачено — 150 р.»²¹.

Кир Бронников (1821 г.): «Со мною в Дионисиат посланы были из Москвы письма, которые вручил я начальнику. Он усердно просил, чтобы я у них хотя ненадолго остался погостить, но я отозвался тем, что скоро выеду из Афона <...>В сем монастыре находящийся российский уроженец во святой схиме провожал нас до самойлодки со слезами»²².

Большую часть узкого двора занимает собор в честь Рождества Иоанна Предтечи (XVI век), расписанный иконописцами критской школы. В приделе справа от притвора хранится чудотворная Акафистная икона Божией Матери, исполненная восковыми красками²³.

Инок Парфений (Агеев) (1847 г.): «Соборная церковь прекрасная, иконописанная. В сем монастыре хранится чудотворная икона Похвалы Пресвятыя Богородицы. Она избавила Царьград от нахождения варваров, когда сию икону носили по стенам Константинополя; в воспоминание сего события написали Ей акафист «Взбранной Воеводе». Еще хранится здесь десная рука Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, от локтя до самой кисти; а кисть с перстами — в России, в С.-Петербурге, в Зимнем дворце. В этом монастыре, сказывают, была и глава Иоанна Предтечи, но в 1824 году турки ее отняли, и теперь неизвестно где. Есть множество от св. мощей частей. Братья высокую и строгую общежительную жизнь проводят; и обитель славится своими общежительными уставами по всей Горе Афонской. Все от сего монастыря заимствуются общежительными уставами; но во всем подражать ему ни один монастырь не может. Монастырь Дионисиат богатый: хлеба, вина и масла до изобилия; братии около двухсот человек»²⁴.

Н. Ф. Селиванов (1900 г.): «Мы отправились в Дионисиат, который построен на скале у самого моря. Основан он преподобным Дионисием в XVI веке. Это совершенно средневековый замок, который арабам взять было не под силу. Несмотря на то, что Дионисиат новее других афонских монастырей, в нем немало редкостных предметов искусства. Соборный храм монастыря сооружен в XVII веке и, надо думать, что в него перенесены части старого собора, например, внутри его есть колонны превосходного византийского стиля, которые, кажется, правильно отнести к XV веку. То же следует сказать о дверях собора, резном иконостасе, с птицами, и перламутровых кафедрах очень богатой отделки. Осмотрев собор, мы пошли к отцу игумену — не старому еще монаху, который объявил нам, что без трапезы нас не отпустит. Игумен ждет разрешения Св. Синода приехать в Россию за сбором. Монастырь не богат — он общежительный, и ему помочь не грех, так как он пользуется хорошей репутацией»²⁵.

²⁰ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 899—900.

²¹ Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

²² Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 204.

²³ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 153.

²⁴ Парфений (Агеев), инок. Описание святой горы Афонской. Белый город, 2016. С. 60.

²⁵ Селиванов Н. Ф. Монашеская республика (Письма с Афона). СПб., 1900. С. 79.

Из записок Н. П. Смоленского (1906 г.)

Я не могу быть пристрастным к греческому монастырю или, вернее, пристрастным быть могу, но во всяком случае не в добрую сторону. Мои личные столкновения с греческими монастырями не оставили приятных воспоминаний. До сих пор я не могу простить **монастырю св. Дионисия**, например, того, что он упорно и настойчиво морил меня голодом. Я приехал туда утром в пятницу. Начиная с двух часов дня или, по крайней мере, с трех, я просил, чтобы мне чего-нибудь дали поесть — и все время меня уговаривали подождать: «сейчас будет готово»... Только в третьем часу ночи мне удалось занять кусок хлеба у случайно зашедшего в монастырь русского монаха. Уехать из монастыря я не мог, потому что там была работа, и в то же время я решительно никак не мог добиться, хотя бы пары яиц, хотя бы просто куска хлеба.

Отношение гостинника здесь было даже похоже на издевательство, потому что на каждую просьбу меня спрашивали: что мне нужно? будет ли довольно с меня того то или того то? несмотря на то, что я, по крайней мере, пять раз повторил, что буду есть все, что дадут. И все-таки мне ничего не дали. Через сутки я уехал, не взяв крошки от монастырской трапезы. Почти то же было в монастыре св. Павла, где я не мог добиться даже горячей воды для чайника. Все это, конечно, не сделает меня пристрастным в пользу греков²⁶.

Обитель Дионисиатского монастыря ...Введение во храм Пресвятой Богородицы. Настоятель... иеромонах Михаил (на 1913 г.)²⁷.

ДОХИАР

По преданию, Дохиарова обитель была основана во второй половине X века неким иноком Евфимием-дохиаром, то есть распорядителем съестных припасов, келарем. Из-за берегового расположения Дохиар часто страдал от разбоя пиратов. Собор, посвященный архангелам Михаилу и Гавриилу, отстроен в XVI веке валашским господарем Александром и его супругой Роксандрой, выкупившими также ряд монастырских владений у захвативших их турок. Храм расписан критскими иконописцами. В одном из приделов собора чтимая икона Божией Матери «Скоропослушница»²⁸.

С конца XV века во многих русских рукописях встречается рассказ о чуде архангела Михаила в Дохиарском монастыре («Повесть о пастухе, нашедшем злато»), включенный в состав Великих Миней Четых митрополита Макария²⁹. В 1584 году посол царя Иоанна Грозного Мешенин приходил в Дохиар, и тамошнему игумену Неофиту и 60 братьям подал милостыни 93 рубля, да 22-м скитникам 6 рублей³⁰. «В 1630 году, 3 января, представлялся государю Дохиарский архимандрит Климент и представил ему письмо Константинопольского патриарха Кирилла [Лукариса], в котором его святейшество просил пожаловать 1000 рублей для выкупа дохиарских имений у турков... пишет о. Порфирий (Успенский). ...В мае месяце того же года сей архимандрит был отпущен восвояси, но что и что получил, неизвестно»³¹.

²⁶ Смоленский Н. П. В стране святых настроений. СПб., 1906. С. 307–308. Он же: архимандрит Михаил. Дух и стиль греческих обителей на Афоне // СППО, 1907. Т. XVIII, вып. 1. С. 24.

²⁷ Павловский А. А. Путеводитель по св. горе Афонской. СПб., 1913. С. 64.

²⁸ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 155.

²⁹ Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI–XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 150.

³⁰ Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861 и описание скитов афонских. М., 1880. С. 123.

³¹ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 898.

В 1859 году архимандрит Порфирий (Успенский) обнаружил в книгохранилище Дохиара «рукопись на бумаге, в четвертую долю листа, 1795 года»³². «В ней усмотрено, мною замечательное сказание о постройке в С.-Петербурге церкви во имя архангела Михаила в 1797 году императором Павлом Петровичем... — пишет о. Порфирий. — Здесь я предлагаю перевод греческого подлинника сего сказания».³³

Братие! Всегда и постоянно величайший Чиномачальник всех небесных ангелов и архистратиг воинства Господня, светозарный и велелепнейший Михаил творил многие и разные чудеса в разные времена и в разных местах. Но и ныне он не перестает творить такие же великие чудеса, поистине достойные архангельского величия его. Одно из них есть то дивное диво, которое совершено им воочию нынешнего благочестивейшего императора всероссийского государя Павла Петровича. А совершилось оно так:

Когда реченный Павел был еще двадцатилетний, тогда в видении явился ему архангел Михаил и предсказал, что он со временем будет царь, присовокупив: когда это будет, тогда пусть он вспомнит предсказание сие и построит храм во имя его. Павел дал обещание явившемуся, что исполнит веление его, а, пробудившись от сна, тотчас записал в памятной книге жизни своей это видение, которое видел, и год, и день, и обещание, данное архангелу. Однако, когда сделался царем в прошедшем году³⁴ по предсказанию архангела Михаила, то среди многих царственных забот забыл данное архангелу обещание ...построить храм во имя его. Но божественный Михаил опять напоминает сему царю прежнее обещание его, и напоминает вот как: приняв на себя вид монаха, он чувственно и видимо подходит к первому телохранителю царя и говорит ему: иди и скажи царю, чтобы он сломал тот дворец, который построен в таком-то месте, и там построил бы храм архангелу Михаилу.

Телохранитель этот обещался пойти и сказать сие царю, а по причине божеской перемены в уме своем и удивления при виде явившегося монаха, забыл допросить говорившего с ним, кто он, и откуда, и почему, и разузнать прочие обстоятельства, как это обычно делают царские люди, исследуя все подобное и записывая, дабы дать подробный отчет в том царям своим; но, когда монах тот ушел, тогда телохранитель вспомнил, что ему надлежало допросить явившегося, кто он, и откуда, и прочее. Вспомнив же это, он тотчас позвал к себе других стражей и приказал им поговорить с оным монахом и воротить его назад. Бегут они и ищут его вверху и внизу. Но монах был невидим. Посему начальник телохранителей, подумав, что если он пойдет к царю и перескажет ему слова монаха, то царь спросит, кто он, откуда и почему, побоялся, как бы не лишиться жизни своей, и не пошел к царю.

Архангел же явился ему во второй раз в том же самом виде; и опять случилось то же самое, что и в первый раз. Потом он явился и в третий раз в том же виде, и, обличив начальника телохранителей в преслушании, вошел к царю один и сказал ему то же, что говорил и начальнику этому, то есть, чтобы он сломал тот дворец, который находится в таком-то месте, и построил бы тут храм архангелу Михаилу: к сему архангел присовокупил и то, что он трижды говорил это начальнику телохранителей его, но сей побоялся и не объявил этого.

Царь же, услышав сие, дал обещание исполнить требуемое, но и сам, потерпев ту же перемену в уме своем и то же удивление, которое произошло в душе начальника телохранителей, забыл спросить явившегося, кто он и откуда, и когда он уже удалился, тогда вспомнил, что надобно спросить его; посему тотчас позвал к себе одного вельможу, который тогда пришел во дворец, и велел ему поговорить с монахом, который только что вышел из дворца, и воротить его назад. Но вельможа отвечал царю, что никого не видал, так как монах этот сделался невидим. Тогда царь позвал начальника телохранителей и допросил его о являвшемся монахе; и он рассказал ему все дело, как оно было.

³² Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861 и описание скитов афонских. М., 1880. С. 91. Судя по содержанию этой рукописи, она может быть датирована 1797 годом (а. А.).

³³ Там же. С. 91.

³⁴ То есть в 1796 году; следовательно, текст датируется 1797 годом.

После сего царь вспомнил, что во сне видел архангела Михаила, будучи двадцатилетним, вспомнил и данное ему обещание построить храм во имя его, и перелистывая царские памятки свои, в которых это было записано, убедился твердо и непрекаемо, что явившийся ему монах был тот самый архангел Михаил. Затем тотчас приказал сломать тот царский дворец, о котором говорил ему явившийся, и на месте его построил прекрасный и дивный храм во имя архистратига Михаила.

Это чудо огласилось во всем Российском государстве; и о нем говорят везде. А сюда (на Афон) пришли некоторые достойные вероятия монахи русские, которые живут в ските Черный Вир, бывшие очевидцы сломанного дворца и новосозданного храма архангела Михаила.

Это чудо заградило и заграждает и заградит дьявольские уста безбожников, потому что оно есть самое ясное и осязательное доказательство Божества. Оно же превозвещает и то, что будут великие и всемирные победы царства Росссов, почитающего величайшего архистратига Сил Господних Михаила, его же предстательством да избавимся от видимых и невидимых врагов, и да все сподобимся царства небесного. Аминь³⁵.

Это воспоминание было читаемо в Дохиаре, или в церкви во время богослужения, или в братской трапезе.

В том же книгохранилище о. Порфирий обнаружил акафист, о чем он пишет в своем дневнике: «Для своего утешения духовного перевожу и всем сообщаю здесь *Дохиарский Акафист Божественным Архангелам*, древний, рассмотренный и тщательно исправленный трудолюбивой рукой и мудрой тростию изряднейшего во учителях и приснопоминаемого отца Кир Никодима Наксосца»³⁶. Далее о. Порфирий помещает русский перевод этого акафиста, сопровождая его интересным дополнением: «Изменение двух последних икосов для чтения в российских церквах».

Радуйся, предстателю всех верных.
Радуйся, источниче многоразличных чудес.
Радуйся, болящих безмездное врачевание.
Радуйся, плененных скорое возвращение.
Радуйся, яко предстательствовал еси о Российской державе.
Радуйся, яко спаслеси ю от врагов.
Радуйся, именитаго ти Михаила на Российский престол призвание.
Радуйся, благоверных царей наших умудрение.
Радуйся, весь Синклит наш просвещай.
Радуйся, персты христолюбивых воев наших на брань поучай.
Радуйся, храмов православных Божий украсителю.
Радуйся, обителей российских заступниче.
Радуйся, закона служителю.

Радуйся, радостепечалующих.
Радуйся, страже обидимых.
Радуйся, нищих богатство некрадомое.
Радуйся, плавающих пристанище спасительное.
Радуйся, победоносное оружие царей благочестивых.
Радуйся, преславная похвало иереев благоговейных.
Радуйся, Российския державы хранителю.
Радуйся, чудный ковчега ея кормчий.
Радуйся, чтущих тя поборниче.
Радуйся, невестоводителю душ изряднейший.

³⁵ Там же. С. 91–93.

³⁶ Там же. С. 132.

Радуйся, верных от Бога благословение.
 Радуйся, доброе монашествующих вождение.
 Радуйся благодати вестниче³⁷.

Архимандрит Евгений (1896 г.): «Мы достигли, спустясь к самому морю, идиоритма Дохиара. На низкой скале, отражаясь в гладкой поверхности моря, среди толпящихся вокруг нее статных кипарисов, меж ароматных садов стоит эта обитель, основанная одновременно с Лаврой Афанасия Афонского и посвященная сначала святителю Николаю, а затем переименованная в честь Бесплотных сил. Собор ее выстроен в византийском стиле и расписан живописью византийской же школы. Он, как и большинство афонских храмов, украшен мрамором, колоннами из него и помостом, на котором среди церкви изваян двуглавый орел. Аналои на клиросах перламутровые и стасидии, идущие кругом церкви, очень красивы, хотя и весьма старинны. Перед чудотворной иконой Божией Матери, находящейся в трапезной церкви, куда мы прошли из собора, и именуемой „Скоропослушница“, теплятся неугасимые лампы — дар получивших исцеления от святой иконы, на которой находится богатая серебряная вызолоченная риза, возложенная на нее русскими верующими и чтущими бесконечно милосердную Матерь неба и земли»³⁸.

Н. Сергиевский (1899 г.): «В отдельном небольшом (трапезном) храме находится чудотворная икона Божией Матери, именуемая „Скоропослушница“, прославившаяся своими обильными чудотворениями; подлинная копия с нее есть в Москве, в Пантелеимоновой Афонского монастыря часовне, что на Никольской улице»³⁹.

С. Германов (1912 г.): «Главной святыней Дохиара почитается известная в России икона Богоматери, названная „Скоропослушницей“; она находится в небольшой внутренией церкви, близ главного храма, более похожей на часовенку. Название иконы „Скоропослушницей“ объясняется чудом, записанным в летописи обители, а именно скорым и чудесным исцелением одного инока, наказанного болезнью за непочитание иконы. Множество лампад неугасимо горит разноцветными огоньками, освещая довольно большой образ древнего письма, покрытый массивной золоченой ризой, — дар московских почитателей; в общем изображение представляется подобием Иверской иконы Богоматери»⁴⁰.

А. А. Дмитриевский (1913 г.): «Паломники направляются в Дохиарский монастырь. Перед чудотворной иконой этой обители, именуемой „Скоропослушницей“ и находящейся на паперти соборного храма в честь св. Архангелов, паломники вжигают свечи и выслушивают молебное пение. Если среди паломников имеются русские священники или иеромонахи, то перед этой чтимой на Руси иконой вычитывается и акафист»⁴¹.

Владимир Крупин (2009 г.): «В Дохиаре привратник — пес размером с нашего Мухтара, но с характером явно не мухтарским. Надо его к нам на выучку. Внутри отменно прохладно. Стены монастыря в зелени, а еще в клетках певчих птиц. Канарейки поют, приветствуют, будто извиняются за облаявшего нас пса. Святыня монастыря — икона „Скоропослушница“ вся в золоте. „Русская икона“, — объясняет монах. Показывает образ святой и праведной Анны: „Бабушка Христа“. Валерий Михайлович дарит ему, как и везде по нашему пути, образочек преподобного Серафима Саровского»⁴².

³⁷ Там же. 132—133.

³⁸ Евгений, архимандрит. Мое «бытие». Воспоминания о монастырской жизни и о поездке в Иерусалим. СПб., 1911. С. 406—407.

³⁹ Сергиевский Н. Святая Гора Афонская. М., 1899. С. 36.

⁴⁰ Германов С. На Афон и Святую Землю. Часть 1. На Афон. М., 1912. С. 142.

⁴¹ Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на Православном Востоке. Ч. II. Пг., 1920. С.108.

⁴² Крупин Владимир. Святой Афон... сердце Православия. М., 2015. С. 241.